

ББК 87.6

Н.В. Лизина

Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко

N.V. Lizina

Power Practice as Managerial Relations in the Works of M. Foucault

Рассматривается интерпретация Мишелем Фуко государственной власти как комплекса локальных управленческих отношений, образующих иерархический порядок. Смена предмета управления, согласно Фуко, ведет к трансформации управленческих практик. История власти в данном ракурсе – это история изменения стратегий власти, т.е. управленческих отношений.

Ключевые слова: управление, государство, власть.

The article considers the M. Foucault interpretation of state power as a complex of local managerial relations making up hierarchical order. According to Foucault the change of management subject-matter leads to managerial practice transformation. From this point of view power history is the history of the change of power strategies, i.e. of managerial decisions.

Key words: administration, state, power.

В концепции Мишеля Фуко прослеживается отказ от рассмотрения власти как вещи и представление ее практик как управленческого отношения. Властные отношения у Фуко – синоним отношений управления, которые пронизывают всю социально-правовую, политическую, экономическую жизнь общества, не локализуясь при этом в каких-то определенных точках. Сама власть при этом не является ни привилегией и ни чьим-то достоянием, а взаимодействием стратегических позиций. Управление, в свою очередь, представляет собой множественность форм и технологий, которые определяют характер и содержание политико-правового взаимодействия в обществе между отдельными индивидами, их группами, институтами, сообществами и т.п. Государственная власть в интерпретации Фуко раскрывается на основе локальных (например, социальных, политических, интеллектуально-волевых) «микроотношений», соединенных в общую властную стратегию, образуя определенный властно-иерархический порядок.

Фуко не посвятил проблеме управления больших систематических исследований, поэтому его идеи на этот счет носят во многом обзорный характер. Вместе с тем сложившаяся к сегодняшнему дню комментаторская традиция позволяет выделить в его творчестве особую область вопросов, которые напрямую связаны с проблемой управления.

Интерес представляет рассмотрение управленческих практик в свете проблемы генезиса субъекта. В работе «Забота о себе» [1] Фуко выделяет основные эпохи формирования субъекта: сократо-платоновскую,

эллинистическую, христианскую и новоевропейскую. В Античности «забота о себе» – основа человеческого опыта вообще. Фуко пишет о конкретных правилах и техниках такой заботы («искусства существования»), посредством которых человек сам себя формирует. По мысли Фуко, у древних греков искусства являли собой определенные формы знания – управления собой, управления собственным имуществом и участия в управлении полисом. В свою очередь, упражнения, позволяющие управлять собой, расщеплялись, дифференцировались от власти как отношения и знания как кодекса добродетели или стратифицированной формы. Управленческие практики рассматриваются Фуко как отношения, и первым из них является управленческое отношение к себе самому.

Отношение к себе, согласно Фуко, обрело в то время независимый статус как принцип внутреннего регулирования по отношению к составляющим власти: отношение к себе осмысливалось как господство над собой, т.е. власть, которую человек был принужден выносить на себе, конституировалась внутри власти, которую он осуществлял над другими. С точки зрения Фуко, у греков возникло отношение, которое устанавливала сила сама с собой. Обязательные правила власти, по его версии, дублировались необязательными правилами свободного человека, осуществляющего эту власть. Такое сложение силы и конституировало специфическую складку. В классической Греции забота о себе – в то же время забота о другом, об обществе и об истине. Впоследствии, в период эллинизма, эта связь разрушается, и это – достижение индивидуали-

зации субъекта. В христианской культуре, по мнению мыслителя, «искусства существования» перерабатываются в практики религиозной жизни, а в современной культуре субъект и вовсе теряет власть над практиками заботы о себе, поручая ее медицине, педагогике, государству (в виде абстрактной заботы о человеке). И, как полагает Фуко, только за счет исчерпанности новоевропейских систем нормирования задается возможность возвращения к «искусствам существования», касающимся конкретных поступков, а тем самым – возможность индивидуальной свободы.

Фуко нигде специально не поясняет содержание термина *governmentality (la gouvernementalite)*, а использует его как некую общую рубрику для наименования той стратегии управления, которая сложилась на Западе в Новое время. Этот термин указывает не только на политические аспекты управления, но и на педагогические, духовные и религиозные его измерения. В концепции Фуко «государство благосостояния», «*gouvernementalite*», выступает современной формой властно-правового господства, управляющей индивидуальной свободой и универсализирующей способы массового восприятия политико-правовых феноменов. С точки зрения французского исследователя, эта концепция легитимирует властные технологии индивидуализации и социально-политические процедуры тотального контроля, при которых дисциплина тела и регуляция населения, их интересов и потребностей составляют два полюса, между которыми происходит организация власти над жизнью. При этом обосновывается, что практика юридикто-политической регламентации направлена не просто на то, чтобы гарантировать некие предварительно признанные, данные априорно естественно-правовые свободы, но на то, чтобы «потреблять свободу и, следовательно, ее производить, а также организовывать», т.е. формируются практики управления, организующие и управляющие свободой индивидов.

Необходимо, на наш взгляд, остановиться на специфическом смысле, вкладываемом Мишелем Фуко в термин «государство». Государство понимается им не только как социальный институт, но прежде всего как специфическая практика управления. Термину «государственное правление» (*gouvernement*), считал он, нужно оставить тот широкий смысл, который придавался ему в XVI в., когда оно подразумевало не только политические структуры и государственное руководство, но также способ управления поведением индивидов или групп. Управлять в этом смысле означает «определять структуру поля возможных действий других» [2, с. 181], поле действий подвластных субъектов, влиять на «поступки», стандартизировать действия и мотивы женщин и мужчин, семей и детей, родов и общин, рынков и производств.

Согласно Фуко индивидуализирующий тип власти стал формироваться в XVII в. в период Тридцатилет-

ней войны. В эту эпоху существовало две технологии управления: 1) «пасторская власть», целью которой было управление индивидом во имя спасения его души, и 2) «полиция», целью которой было управление индивидом в интересах административного государства [2]. В эту же эпоху возникает два способа мыслить об управлении. Один из них был предложен теологами, а другой – светскими философами. Существование этих двух технологий управления сыграло важную роль в последующей индивидуализации власти в XIX в.: наследницей «пастырской власти» становится психоанализ, наследницей «полиции» – санитарная медицина, психиатрия и полиция.

Для Фуко история власти – это история изменения стратегий власти, т.е. управленческих отношений, принципиальным моментом в которой является именно «индивидуализация власти». Переход к новой стратегии начинается на Западе с конца XVI в. Этот переход требовал, с одной стороны, новых форм организации государства, а с другой – новых технологий управления. История изменения форм организации государства, по Фуко, позволяет выделить три этапа:

- 1) в Средние века существовало «государство справедливости»;
- 2) с конца XVI в. и весь XVII в. существовало «территориально-административное, или полицейское, государство», главными примерами которого являются германские государства;
- 3) с XVIII в. и по XX в. – «управленческое государство» [3].

Чтобы анализировать историю власти вообще и историю управления в частности, Фуко считает необходимым погрузиться в корпус разнообразных литературных источников, которые могли бы содержать в себе указания на то, что понимали под управлением в разные времена европейской истории, каковы были представления тех, кто практиковал различные способы управления людьми в Средние века, в Новое время и в современную эпоху. Иными словами, чтобы изучать управление, Фуко конструирует для себя особый объект познания, который и называется *governmentality*. Наиболее подходящими для этого источниками становятся тексты политического и юридического характера. Но Фуко не ограничивается только ими. В его поле зрения попадают также «советы», «практические руководства» и учебники, поскольку они содержат в себе некий вытесненный пласт представлений об управлении, который обычно не попадает на страницы «парадной истории». Вместе с тем написанное в этих текстах очень часто имело возможность быть реализованным на практике. Дискурс сочинений этого рода в сущности и является содержанием *governmentality*, т.е. той ментальности, которая реально определяла взгляды людей, занятых практическим управлением.

«Советы», «практические руководства» и учебники – все это тексты, которые Фуко называет текстами по «искусству управления» [2]. Наиболее ранними формами среди них выступают античные и средневековые трактаты, написанные в жанре «советов государю», самым известным из числа которых выступает «Государь» Макиавелли. В центре подобных сочинений исследуется вопрос об умении государя удерживать свое государство. Сама же политика «Государя» характеризуется единственным принципом, сформулированным Макиавелли: государь стоит в отношении исключительности и овнешненности к своему государству. Тип управления, который предстает в таких сочинениях, характеризуется как нестабильный. Связь между государем и его государством то и дело нарушается либо мятежами подданных, которые не имеют причин признавать его правление, либо захватническими намерениями внешних врагов.

В последующих сочинениях по «искусству управления», напротив, развивается принцип связи правителя с его государством и формируется образ государя, озабоченного нуждами своих подданных. При этом проводится мысль о том, что кроме управления государя его государством существует и много других, непрерывно сообщающихся с ним типов управления: управление отца в семье, учителя в гимназическом классе и т.п. Политико-правовая мысль XVI–XVIII вв. исходит из того, что существует непрерывная связь между этикой (искусством управления собой), экономикой (искусством управления хозяйством) и политикой (искусством управления государством). Между «этикой» и «политикой», как они понимаются в эту эпоху, располагается срединное звено – «экономика», поэтому перед теоретиками «искусства управления» стоял неотложный вопрос о том, как ввести «экономику» в политическое управление. Теоретики, как показывает Фуко, понимали этот вопрос как введение правильного способа распоряжения людьми и вещами. Этот принцип противостоит прежнему, где речь шла исключительно о распоряжении территорией, на которой люди и вещи были переменными величинами. «Управлять государством, следовательно, будет значить применять экономию, устанавливая экономию на уровне целого государства, что означает применение по отношению к его жителям, богатству и поведению всех и каждого надзора и контроля, таких же пристальных, что практикует глава семьи по отношению к своему дому и имуществу» [3, с. 92]. Согласно Фуко, для каждого из двух типов управления существует свой тип направленности. Суверенная власть циклична: она применяется ради самой же себя, а инструментом, который позволяет достигнуть этой цели, является наложение закона на людей с целью послушания ему. Направленность экономического управления пребывает в самих вещах, тогда как закон здесь используется лишь как тактика, например,

для того, чтобы приумножить материальные богатства или численность населения.

Первая фаза рационализации «искусства управления» на Западе, прежде всего во Франции и Германии, как утверждает Фуко, опиралась на такой инструмент управленческой технологии, как *полиция*. В период XVI–XVIII вв. этим термином обозначали совершенно иной предмет, нежели в XIX и XX вв. В тот период полиция выступала как всеобъемлющая форма государственного регулирования всех аспектов человеческой жизни. «Она обращает внимание на то, как они живут, на болезни и несчастные случаи, которые их подстерегают. Одним словом, за человеком живущим, действующим и производящим надзирает полиция» [4, с. 373]. В качестве органа государственного управления полиция, как она рисовалась теоретикам, дополняет правосудие, армию и финансы, но также и охватывает их все. В практической же сфере деятельность полиции была еще более многообразной. В полицейских уставах, которыми руководствовались государственные чиновники во Франции в начале XVIII столетия, в число задач полиции входили вопросы религии, нравственности, здоровья, продовольствия, контроля за состоянием дорог, мостов и общественных строений, попечение о науках, торговле, заводах, рабочих людях и бедняках [4, с. 374]. До того, как стать специализированным учреждением, полиция, следовательно, была стратегией управления и выполняла комплекс разнообразных задач, касающихся поддержания общего порядка в государстве. Кроме того, полиция преподавалась для будущих государственных чиновников как академическая дисциплина. «Искусство управления», *Polizeiwissenschaft*, изучали администраторы Пруссии, Австрии и России. Внимание обучающихся обращалось на такие проблемы, как территория государства и ее обитатели (их количество, рост народонаселения, его здоровье, смертность, перемещения), их имущество и экономическая активность, а также поведение индивидов (профессиональные способности, уважение законов и пр.). Обозначалось различие между политикой и полицией: политика состояла в применении закона против внутренних врагов государства и армии против его внешних врагов, тогда как полиция заключалась в непрерывном вмешательстве государства в жизнь и поведение индивидов в интересах общего, т.е. государственного блага. Иначе говоря, политика и полиция рассматриваются как специфические управленческие стратегии.

И все же, хотя революция сыграла важную роль в трансформации «искусства управления» и становления практик власти как управленческих отношений, более важным, по мысли Фуко, стало то обстоятельство, что в конце XVIII в. на Западе, в том числе во Франции, управление нашло для себя новый предмет. Этим предметом стало *население*. С этого момента

процесс рационализации управления достигает очередного порога. Фуко пишет о том, что население является не только особой абстракцией технологии управления, но и вполне реальным телом, «общественным телом». «В обществе вроде общества XVI века тело короля было не метафорой, а политической вещью: его телесное присутствие было необходимо для жизнедеятельности монархии... У Республики нет тела. Напротив, в течение XIX века новым началом становится тело общественное» [4, с. 161]. Превращение населения из абстракции в реальное общественное тело стало возможным тогда, когда появились конкретные способы изучения самого населения. Они возникли в рамках господствующей к концу XVIII в. управленческой технологии – полиции, или дисциплины. Из единого, внутренне не расчлененного комплекса власти-знания, каковым была полиция, выделились новые специализированные отрасли, осуществляющие контроль над отдельными сторонами жизни населения, а, кроме того, занятые сбором сведений о каждой из них, будь то рождаемость и смертность, коммерческая активность и производство, уход за детьми и гигиеническая культура. Таковы появляющиеся в это время демография, политическая экономия, санитарная медицина, унаследовавшие от прежней полиции целый ряд административных функций. Население как объект государственного управления становится все более сложно дифференцированной реальностью, которая отныне требует своей организации и упорядочивания. Управление государством связывается с этого времени с многочисленными техниками надзора, анализа, вмешательства, модификации, постижения населения с его исчислимыми вариациями в пространстве

и времени, долголетием и здоровьем. Государственное управление осуществляется параллельно в двух плоскостях – как на макро-, так и на микроуровне. На макроуровне функционируют учреждения трех ветвей государства – структуры глобальной интеграции общества. На микроуровне – те институты и учреждения, которые иногда относят к неправительственным или частным: рынки, муниципальные автономии, цеховые или предпринимательские союзы и корпорации, сельские или церковные общины и организации, но также кодексы неписаного поведения, педагогические системы, правила гендерного поведения.

Именно на микроуровне государственное управление укореняется в социальном мире и оказывает на общество глобальное влияние, а процесс этатизации разворачивается в виде непрерывной интеграции этих автономных структур социального многообразия. Неправильным было бы полагать, что именно государство в современных обществах производит это многообразие. Напротив, сами отношения между данными структурами социального многообразия становятся все более правительственными, т.е. «разработанными, рационализированными и централизованными в форме или под поручительство государственных институтов» [2, с. 187].

Итак, в работах Мишеля Фуко государство начинает рассматриваться как регулятивная идея, в терминах которой описываются социальная реальность и жизненный мир. И тогда государство как социальная практика управления – это не столько «казенная вертикаль», сколько стратегия, с помощью которой осмысляется и понимается социальное целое, уже существующие элементы и институты данной реальности.

Библиографический список

1. Фуко М. История сексуальности. Т. 3 : Забота о себе. – М., 1998.
2. Фуко М. Рождение биополитики // *Naissance de la biopolitique: Cours au College de France (1979–1979)*. – СПб., 2010.
3. Фуко М. Власть и тело // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. – М., 2002.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999.